

КЕЙТ МОРТОН

ДОМ У ОЗЕРА

РОМАН

Оглавление

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Благодарности](#)

•thebigbook•

КНИГИ
КЕЙТ МОРТОН

Дочь часовых дел мастера

Когда рассеется туман

Забытый сад

Далекие часы

Хранительница тайн

Дом у озера

КЕЙТ МОРТОН

ДОМ У ОЗЕРА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Kate Morton
THE LAKE HOUSE
Copyright © Kate Morton, 2015
All rights reserved

Перевод с английского Инессы Метлицкой

Оформление обложки Ильи Кучмы

16+

Мортон К.

Дом у озера : роман / Кейт Мортон ; пер. с англ. И. Метлицкой. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20238-2

Июнь 1933 года. Родовое имение семьи Эдевейн в Корнуолле сверкает, готовое к долгожданной вечеринке в канун Дня святого Иоанна. Элис Эдевейн, шестнадцатилетняя начинающая писательница, особенно взволнована. Она не только придумала идеальный поворот сюжета своего романа, но и по уши влюбилась. Однако, когда часы бьют полночь и фейерверк озаряет ночное небо, бесследно исчезает ее младший брат, а вскоре полиция находит мертвым близкого друга их семьи. Не выдержав столь сокрушительного удара, Эдевейны навсегда покидают родной дом.

2003 год. Детектив Сэди Спэрроу после вынужденного ухода из полиции Лондона приезжает в коттедж своего деда в Корнуолле. Случайно обнаружив заброшенный дом, окруженный густым лесом и заросшим садом, она решает узнать историю этого дома, и ей рассказывают о пропавшем мальчике. А тем временем Элис Эдевейн, теперь уже автор популярных детективных романов, ведет в своем викторианском доме в Хэмпстеде замкнутую жизнь, столь же тщательно продуманную, как и ее детективы. Но все это лишь до тех пор, пока Сэди не начнет задавать вопросы о прошлом семейства Эдевейн, пытаясь распутать сложный клубок секретов...

© И. А. Метлицкая, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Генри,
моей маленькой жемчужине*

ГЛАВА 1

Корнуолл, август 1933 г.

Дождь усилился, и грязь заляпала подол платья. Потом его надо будет спрятать, и никто не узнает, что она выходила из дому.

Луну затянули тучи — повезло, хотя и незаслуженно! Яму она выкопала заранее, но только сейчас, под покровом тьмы, можно было закончить начатое дело. Дождь рябил поверхность воды, неутомимо барабанил по земле. Неподалеку кто-то с шумом пронесся по зарослям папоротника, но она не остановилась, даже не вздрогнула. Всю свою жизнь она бродила по этому лесу и знала его наизусть.

Едва это случилось, она хотела признаться; наверное, и следовало бы, однако шанс упущен, сейчас уже поздно. Слишком много всего произошло: поисковые партии, полиция, статьи в газетах с просьбой сообщить любые сведения... Теперь никому не скажешь, ничего не исправишь, и прощения ждать не стоит. Можно только избавиться от улики.

Вот она и добралась до места. Сумка с коробкой оказалась неожиданно тяжелой, и она с облегчением поставила ее на землю. Присев на корточки, отодвинула маскирующие яму побеги папоротника. В нос ударил резкий запах размокшей почвы, лесных мышей, грибов и гнили. Однажды отец сказал ей, что немало поколений ходили по этому лесу и теперь покоятся глубоко под толщей земли. Ему нравилось так думать. Отца радовала преемственность в природе, и он искренне верил, что неизменность прошлого способна заглушить горечь невзгод в настоящем. Что ж, отчасти, может, и правда, только не в этот раз. И не этой бедой.

Она опустила сумку в яму и забросала землей, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Слезы — непозволительная слабость, тем более здесь и сейчас. Она разровняла землю ладонями, утрамбовала, а потом утаптывала ботинками, пока не запыхалась.

Все. Дело сделано.

Внезапно мелькнула мысль, что надо бы сказать пару слов перед тем, как покинуть это уединенное место. Что-нибудь о смерти невинных, о чувстве вины, которое остается навсегда... Но она промолчала, устыдившись своего порыва.

Она торопливо вернулась назад через лес, стараясь не приближаться к лодочному сараю со всеми его воспоминаниями. Уже рассветало, когда она добралась до дома, дождь почти утих. У берегов озера плескалась вода; последний соловей выводил прощальную трель. Просыпались камышники и славки, вдали раздавалось лошадиное ржание. Тогда она еще не знала, что никогда не избавится от этих звуков, они будут повсюду ее преследовать, вторгаться в сны и кошмары, напоминая о содеянном.

ГЛАВА 2

Корнуолл, 23 июня 1933 г.

Лучший вид на озеро открывался из Пурпурной комнаты, но Элис решила, что сойдет и окно ванной. Хотя мистер Ллевелин все еще сидел у ручья за мольбертом, обычно он заканчивал рано и шел отдыхать, а ей вовсе не хотелось с ним столкнуться. Старик, конечно, безобидный, но все же чудаковатый и прилипчивый, особенно в последнее время. Вдруг, обнаружив ее в своей комнате, он все неправильно поймет? Элис поморщилась. В детстве она его обожала, и он ее тоже. Сейчас, когда ей уже шестнадцать, странно вспоминать его истории, восхитительные рисунки, которые Элис бережно хранила, и ощущение чуда, которое, как песня, сопровождало мистера Ллевелина. Впрочем, до ванной ближе, чем до Пурпурной комнаты, и некогда бегать туда-сюда по ступенькам: мама вот-вот поймет, что в комнатах первого этажа нет цветов. Пока стайка служанок, размахивая полировочными тряпками, усердно наводила порядок в зале, Элис проскользнула в дверь и поспешила к окну.

Где же он? Желудок болезненно сжался, азарт вмиг сменился отчаянием. Стекло нагрелось под ладонями, пока Элис обводила взглядом картину внизу: алые и кремовые розы, лепестки блестят, как начищенные; бесценные персики льнут к стене крытого сада; длинное серебристое озеро сверкает под утренним солнцем. Поместье убрали, украсили и довели почти до невыносимого совершенства, тем не менее повсюду царил суеда.

Нанятые музыканты расставляли позолоченные стулья

на временной эстраде, фургоны поставщиков по очереди вздымали пыль на подъездной аллее, теплый летний ветерок раздувал полотнище наполовину установленного шатра. Единственным островком спокойствия среди всеобщей суматохи была бабуля Дешиль, маленькая и сгорбленная. Погрузившись в туман воспоминаний, она сидела на чугунной садовой скамейке у библиотеки и не обращала ни малейшего внимания на то, как вокруг нее развешивают на деревьях круглые стеклянные фонари.

Вдруг у Элис перехватило дыхание.

Вон же он!

Невольная улыбка расплылась по ее лицу. Какой восторг, какая искрящаяся радость разглядеть на островке посреди озера его с огромным бревном на плече! Повинуясь порыву, Элис помахала рукой. Глупо, конечно, он даже не смотрел в сторону дома. А если бы и смотрел, то не помахал бы в ответ. Они оба понимали, что надо проявлять осторожность.

Элис рассеянно затеребила прядь волос, вечно выбивающуюся над ухом. Ей нравилось вот так, тайком, наблюдать за молодым человеком. В эти минуты Элис ощущала свою силу, не то что с ним рядом, когда она приносила ему в сад лимонад, или когда ухитрялась улизнуть из дому, чтобы неожиданно навеститься в отдаленные уголки поместья, где он работал, или когда он расспрашивал о книге, семье и делах, а она рассказывала ему истории, смешила и старалась не утонуть в глубине зеленых с золотистыми крапинками глаз.

Под ее взглядом он наклонился, замер, удерживая на плече тяжелое бревно, потом осторожно положил его поверх остальных. Хорошо, что он сильный!.. В глубине души Элис чувствовала, как это важно, хотя и не знала почему. Щеки у нее горели, она покраснелась.

Элис Эдевейн доводилось общаться с молодыми

людьми. Правда, не часто — ее родители вели довольно замкнутый образ жизни, предпочитая общество друг друга, и только раз в году, в канун Дня святого Иоанна, традиционно устраивали грандиозный праздник. Тем не менее порой Элис украдкой обменивалась парой слов с деревенскими парнями или с сыновьями арендаторов, когда те, сняв шапки и опустив глаза, ходили за своими отцами по поместью. Однако сейчас... сейчас было совершенно *по-другому*, и каким бы ошеломительным или ужасно похожим на сантименты старшей сестры Деборы ни казалось это чувство, оно существовало, и все тут.

Его звали Бенджамин Мунро. Элис беззвучно произнесла имя по слогам. Бенджамин Джеймс Мунро, двадцати шести лет, до недавнего времени жил в Лондоне. Родственников не осталось, трудяга, не склонен к пустой болтовне. Родился в Суссексе в семье археологов, вырос в Юго-Восточной Азии. Любит зеленый чай, запах жасмина и знойные дни, которые заканчиваются грозой.

Ничего этого он ей не рассказывал. Он не из тех, кто любит разглагольствовать о себе и своих достижениях, как будто девушка всего лишь хорошенькое личико и пара жадно внимающих ушей. Нет, Элис вслушивалась, наблюдала и по крупичкам собирала информацию, а как только представилась возможность, пробралась в кладовую, чтобы взглянуть на расчетную книжку главного садовника. Элис всегда считала себя неплохой сыщицей и, конечно же, обнаружила за аккуратными записями мистера Харриса о посадках подколотовое письмо от Бенджамин Мунро с просьбой принять его на работу. Коротенькое послание, написанное почерком, который вряд ли понравился бы маме, но Элис прочитала письмо целиком, запоминая особо важные куски и восхищаясь тем, как слова придают глубину и цвет придуманному ею образу, что хранился в

тайне ото всех, словно засушенный между страницами цветков. Вроде того, что Бенджамин подарил ей в прошлом месяце. «Смотри, Элис, первая гардения в этом году». Хрупкий стебель зеленел на широкой сильной ладони.

Элис улыбнулась воспоминанию и сунула руку в карман, чтобы погладить гладкую обложку записной книжки в кожаном переплете. Привычка с детства, которая выводила из себя маму с тех пор, как на восьмой день рождения Элис получила первую записную книжку. Как же она любила ту светло-коричневую книжицу! Здорово, что папа выбрал такой подарок. По словам отца, он тоже вел дневник, и Элис оценила серьезность, с которой он ей об этом сказал. Под присмотром мамы она медленно вывела свое полное имя — Элис Сесилия Эдевейн — по тонкой бледно-коричневой линии на фронтисписе и сразу же почувствовала себя более реальным человеком, чем раньше.

Маме не нравилась ее привычка то и дело трогать спрятанную в кармане книжку, потому что это выглядело так, словно Элис вертится, замышляя какую-то шалость. Впрочем, сама Элис была ничуть не против подобной характеристики. Мамино недовольство послужило приятным бонусом. Элис продолжала бы касаться своей записной книжки, даже если бы это действие не вызывало легкую тень на прекрасном лице Элеонор Эдевейн. Записная книжка стала для Элис пробным камнем, постоянным напоминанием, кто она есть на самом деле. А еще близким другом, хранилищем секретов и, соответственно, досье на Бена Мунро.

Прошло около года с того дня, как Элис впервые его увидела. Он появился в Лоэннете поздним летом 1932-го, в тот жаркий и сухой промежуток времени, когда праздничное волнение Дня святого Иоанна прошло и оставалось только покориться одурманивающему зною.

На поместье снизошла благодать ленивого умиротворения, и даже порозовевшая от жары мама, которая была на восьмом месяце беременности, сняла жемчужные браслеты и закатала по локоть шелковые рукава.

В тот день Элис сидела на качелях под ивой, лениво раскачивалась и обдумывала Очень Важную Проблему. Отовсюду, если вслушаться, доносились звуки семейной жизни: мама и мистер Ллевелин смеялись вдалеке под ленивый плеск лодочных весел, Клемми что-то бормотала себе под нос, раскинув крыльями руки и бегая кругами по лужайке, Дебора пересказывала няне Роуз все скандалы последнего лондонского сезона, — а Элис погрузилась в собственные мысли и не слышала ничего, кроме приглушенного жужжания насекомых.

Она почти целый час сидела на одном месте, не замечая, что новенькая ручка протекла и по белому хлопчатобумажному платью расплывается чернильное пятно, когда из сумрака рожи материализовался молодой человек и вышел на залитую солнцем дорогу. С холщовым мешком через плечо и пиджаком в руках, он шел твердым, упругим шагом, и Элис перестала раскачивать качели. Она следила за ним, старалась разглядеть получше из-за плакучих ветвей ивы и не замечала, что щеку трет жесткая веревка.

Благодаря причуде географии в Лоэннет нельзя попасть случайно. Поместье располагалось в лощине, окруженной густым лесом, совсем как дома в сказках. И в кошмарах тоже, только тогда Элис об этом не думала. Лоэннет — их собственный счастливый уголок, дом нескольких поколений семьи Дешиль, родовое гнездо матери Элис. И все же вот он, чужак, прямо посреди имения, и послеобеденные чары сразу разрушились.

Элис обладала природным любопытством — о чем ей часто говорили окружающие, и она воспринимала их слова как комплимент, — но собиралась использовать

эту свою черту с пользой. Впрочем, в тот день ее интерес подогревало не любопытство, а досада и желание отвлечься. Все лето Элис лихорадочно трудилась над остросюжетным любовным романом, однако три дня назад дело застопорилось. И все по вине главной героини Лауры, которая после нескольких глав, призванных показать ее богатый внутренний мир, отказалась сотрудничать. Когда милую девушку познакомили с высоким темноволосым красавцем со звучным именем лорд Холлингтон, она неожиданно растеряла весь свой ум и обаяние и стала до ужаса скучной. Ладно, решила Элис, глядя, как молодой человек идет по подъездной дорожке, Лаура обождет. Подвернулось кое-что другое.

Через поместье бежал болтливый ручей, радуясь короткой передышке под жарким солнцем, прежде чем снова нырнуть в сумрак леса. Его берега соединял оставшийся от двоюродного прадеда каменный мост, через который лежала дорога в Лоэннет. Дойдя до моста, незнакомец остановился. Медленно повернулся в ту сторону, откуда пришел, и взглянул на что-то в своей ладони. Клочок бумаги? Или это игра света? Наклон головы, долгий взгляд на лесную чащу свидетельствовали о сомнениях, и Элис прищурилась. В конце концов, она писательница и понимает людей, уязвимость сразу бросается ей в глаза. Почему незнакомец так не уверен, в чем причина? Он вновь повернулся вокруг себя, приложил руку ко лбу и уставился на дорогу с чертополохом по обочинам, которая вела к дому, спрятавшемуся за тисовыми деревьями. Молодой человек не двигался и, похоже, затаил дыхание; затем под взглядом Элис положил вещевой мешок и пиджак на землю, поправил на плечах подтяжки и тяжело вздохнул.

И тогда Элис осенило. Она сама не понимала, откуда берутся внезапные озарения, открывающие доступ к

мыслям других людей. Элис просто знала о чем-то, и все. Вот как сейчас: незнакомцу явно не доводилось бывать в подобном месте. Тем не менее этого человека ждала встреча с судьбой, и хотя ему явно хотелось развернуться и уйти, даже толком не ознакомившись с помещением, от судьбы просто так не сбежишь. Весьма захватывающее предположение, и Элис еще крепче ухватилась за веревку качелей, наблюдая за молодым человеком; в ее голове роились мысли.

Конечно же, он поднял пиджак, закинул на плечо вещевой мешок и зашагал по дорожке к скрытому за деревьями дому. В поведении незнакомца появилась вновь обретенная решимость, и те, кто плохо разбирается в людях, наверняка подумали бы, что он легко справится со своей задачей. Элис довольно улыбнулась, и тут ей пришла в голову мысль, от которой она чуть не свалилась с качелей. Элис заметила чернильное пятно на своей юбке и нашла решение Важной Проблемы одновременно. Это же ясно как божий день! Лаура, которая встретила таинственного незнакомца, тоже гораздо проницательнее большинства людей и наверняка заглянет под его маску, узнает об ужасной тайне и темном прошлом, а потом, когда останется с ним наедине, прошепчет...

— Элис!

Оказавшись в ванной комнате своего дома, Элис подпрыгнула от неожиданности и больно ударилась щекой о деревянную оконную раму.

— Элис Эдевейн, где ты?

Она бросила взгляд на закрытую дверь. Вокруг таяли приятные воспоминания о прошлом лете, остром чувстве влюбленности, первых днях романа с Беном и пьянящей связи между их отношениями и ее творчеством. Бронзовая дверная ручка слегка задрожала от торопливых шагов на лестничной площадке, и Элис затаила дыхание.

Всю неделю мама была на грани нервного срыва. Обычное дело. Она не любила гостей, но праздничный прием в ночь накануне Дня святого Иоанна давно стал семейной традицией рода Дешиль. Мама боготворила своего отца, а потому каждое лето и устраивала праздник в его честь. И всякий раз ужасно нервничала — такой вот она уродилась! — однако в этом году превзошла саму себя.

— Я знаю, что ты здесь, Элис! Дебора видела тебя пару минут назад.

Дебора — старшая сестра, основной пример для подражания, главное зло. Элис стиснула зубы. Мало того что ее мать — прославленная Элеонор Эдевейн, так еще и повезло родиться за сестрой, которая почти такое же совершенство! Красавица, умница, обручена с самым завидным женихом прошедшего сезона... Слава богу, еще есть Клементина, младшенькая, такая странная, что даже она, Элис, по сравнению с ней кажется почти нормальной.

Пока мама в сопровождении Эдвины стремительно шагала по коридору, Элис с треском приоткрыла окно и подставила лицо теплему ветерку, наполненному соленым запахом моря и ароматом свежескошенной травы. Эдвина — вот единственная живая душа, которая терпит маму в ее нынешнем состоянии! Впрочем, Эдвина — золотистый ретривер, и вряд ли ее можно назвать душой в полном смысле этого слова. Даже папа несколько часов назад сбежал на чердак и теперь наверняка отлично проводит время над своим грандиозным трудом по естественной истории. Проблема в том, что Элеонор Эдевейн всегда стремилась к совершенству и любая мелочь праздника должна была отвечать ее высоким стандартам. Элис довольно долго переживала из-за того, что не оправдывает мамины ожидания, хотя тщательно скрывала это под маской напускного безразличия. Ее

огорчало и отражение в зеркале — слишком высокий рост, непослушные рыжевато-каштановые волосы, — и то, что она предпочитала компанию вымышленных персонажей людям из плоти и крови.

Но теперь все изменилось. Элис с улыбкой смотрела, как Бен добавил еще одно бревно к быстро растущему сооружению, будущему костру. Может, она и не так очаровательна, как Дебора, и уж точно ее имя не обессмертят в популярной детской книге, как мамино, не важно. Она совершенно другая. «Ты прирожденный рассказчик, Элис Эдевейн, — заметил как-то раз вечером Бен, когда голуби летели домой на ночлег. — Я еще никогда не встречал человека с таким богатым воображением, такими интересными мыслями». Он говорил тихо и не сводил взгляда с Элис. Тогда Элис посмотрела на себя его глазами, и ей понравилось то, что она увидела.

Мама еще не свернула за угол, а до двери ванной уже донесся ее голос: она говорила что-то о цветах.

— Конечно, мамочка! — восхитительно высокомерным тоном пробормотала Элис. — Только не выпрыгивай из трусов!

В упоминании нижнего белья Элеонор Эдевейн было некое великолепное кощунство, и Элис сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Бросив из окна прощальный взгляд на озеро, Элис вышла из ванной, на цыпочках прокралась к своей комнате и вытащила из-под матраса заветную папку. Перепрыгивая через две ступеньки и лишь чудом не споткнувшись о потрепанный край красного белуджистанского ковра, который прадедушка Хорас привез из путешествий по Ближнему Востоку, Элис спустилась вниз, схватила со стола в зале корзинку и выбежала из дому навстречу новому дню.

Надо сказать, погода стояла прекрасная. Элис невольно начала мурлыкать под нос, пока спешила по вымощенной камнем дорожке. Корзинка почти наполовину наполнилась, а ведь Элис еще даже не дошла до лужайки с полевыми цветами. Самые красивые цветы росли именно там, оригинальные и необычные, в отличие от садовых — ярких, но заурядных. Элис тянула время. Все утро она пряталась от матери, а теперь ждала, когда мистер Харрис пойдет обедать: хотела застать Бена одного.

В последнюю встречу он сказал, что у него для нее кое-что есть, и Элис рассмеялась. Тогда он спросил со своей легкой полуулыбкой: «Что смешного?» Элис выпрямилась во весь рост и ответила, что у нее, так уж вышло, тоже есть для него подарок.

Элис остановилась у самого большого тиса в конце дорожки. Перед праздником его аккуратно подстригли, сквозь плотную обрезанную крону ничего не было видно, и Элис выглянула из-за дерева. Бен все еще на острове, а мистер Харрис на дальнем берегу озера, помогает своему сыну Адаму грузить в лодку бревна, чтобы перевезти на остров. Бедняга Адам! Элис смотрела, как он чешет за ухом. По словам миссис Стивенсон, когда-то Адам был гордостью семьи, рослым, сильным и смышленным, пока под Пашендалем¹ осколок шрапнели не угодил ему в голову, лишив памяти. «Ужасная штука — война! — любила рассуждать кухарка, яростно раскатывая скалкой ни в чем не повинное тесто. — Забирает полного надежд мальчика, пережевывает и выплевывает жалкое исковерканное подобие того, что было!»

«Хорошо еще, что сам Адам, похоже, не осознает перемены и даже почти счастлив, — говорила миссис Стивенсон. — Конечно, это редкость, — всегда добавляла она, дабы не изменять присущему ей шотландскому пессимизму. — Многие вернулись,

разучившись смеяться».

Именно папа настоял на том, чтобы Адаму дали работу в поместье. Элис подслушала его разговор с мистером Харрисом. «Он будет работать до конца жизни, — произнес отец дрожащим от эмоций голосом. — Я вам уже это говорил. Юному Адаму всегда найдется здесь место».

Внезапно Элис услышала приглушенный шелест у левого уха, щеки коснулся легкий ветерок. Боковым зрением она заметила зависшую в воздухе стрекозу. Довольно редкую — желтокрылую стрекозу-метальщицу. Элис охватило знакомое радостное возбуждение. Она представила отца, который прячется у себя в кабинете от маминой предпраздничной лихорадки. Если изловчиться, то можно поймать стрекозу и отнести наверх, в отцовскую коллекцию, посмотреть, как он радуется подарку, и почувствовать, что выросла в его глазах. Как в детстве, когда Элис ощущала себя избранной, и одного разрешения заходить в пыльную комнату с научными книгами, белыми перчатками и стеклянными витринами было достаточно, чтобы преодолеть страх перед блестящими серебристыми булавками.

Впрочем, сейчас нет времени. Вообще-то, даже мысль об этом отвлекает от цели. Элис нахмурилась. Время странным образом теряло границы, когда она о чем-то задумывалась. Еще двадцать минут — и главный садовник, как обычно, пойдет в свой сарай, чтобы съесть сэндвич с пикулями и сыром, а потом углубиться в изучение газетных страниц с результатами скачек. Он всегда следовал привычкам, и Элис это уважала.

Забыв о стрекозе, она торопливо пересекла дорожку и продолжила путь вокруг озера, держась подальше от лужайки и группки рабочих, подметавших у затейливой конструкции с фейерверками. Элис старалась не выходить из тени, пока не добралась до потайного сада.

Там она села на нагретые солнцем ступени старого фонтана, поставила рядом корзинку с цветами. Отличный наблюдательный пункт. Живая изгородь из боярышника служила надежным укрытием, а сквозь просветы между ветвями было отлично видно новые мостки.

Ожидая, пока Бен останется один, Элис любовалась грачами, кувыркавшимися в лазурном небе. Ее взгляд упал на дом; взобравшись на лестницы, слуги украшали огромными венками из зелени кирпичный фасад, в то время как две служанки развешивали под карнизом изящные бумажные фонарики. Солнце освещало верхний ряд витражных окон, и начищенный до блеска родовой дом сиял, как увешанная драгоценностями пожилая дама, разодетая для ежегодного выезда в оперу.

Внезапно Элис захлестнула волна нежности. Сколько Элис себя помнила, поместье Лоэннет значило для нее гораздо больше, чем для сестер. Дебору манил Лондон, а Элис нигде так не радовалась и не была сама собой, как здесь, когда сидела на речном берегу, болтая ногами в неторопливой воде, или лежала в постели перед рассветом, прислушиваясь к хлопотливой суете стрижей, которые свили гнездо над окном ее комнаты, или бродила вокруг озера, зажав под мышкой неизменную записную книжку.

В семь лет Элис вдруг осознала, что когда-нибудь повзрослеет, а взрослые, как правило, покидают родительский дом. С той минуты в душе Элис воцарился экзистенциальный страх, и она стала везде, где только можно, царапать свое имя: на дубовых оконных рамах в маленькой столовой, примыкающей к кухне, на тоненькой полоске застывшего раствора между кафельными плитками в оружейной комнате, на узорчатых обоях с дроздами в передней. Элис словно навсегда привязывала себя к Лоэннету крепкими узами.

Мать обнаружила это необычное проявление любви, и Элис на все лето оставили без сладкого; впрочем, она бы особо не горевала, если бы ее не назвали отпетой хулиганкой. «От кого от кого, а от тебя не ожидала такого неуважения к дому! — сердито шипела мать. — Подумать только, моя дочь — и такой варварский поступок!» Эти слова, которые свели страстную жажду обладания к обычной шалости, причинили Элис глубокую боль и сильно обидели.

Ладно, сейчас это уже не важно. Элис выпрямила ноги, вытянула вперед носочки и довольно вздохнула. Обычная детская навязчивая идея, с тех пор много воды утекло. Солнечный свет заливал все вокруг, золотил ярко-зеленую листву сада. Укрывшись среди ивовых ветвей, сладко щебетала славка-черноголовка, пара диких уток дралась из-за особенно сочной улитки. Оркестр репетировал танцевальную мелодию, и над гладью озера плыла музыка. Да, с погодой сегодня повезло. Несколько томительных недель все волновались, пристально наблюдали за рассветами, расспрашивали знатоков примет и наконец дождались: солнце высоко в небе и сжигает случайные облака, как и положено в канун Дня святого Иоанна. Вечер будет теплым, ветерок — легким, а праздничный прием, как всегда, волшебным.

Элис узнала о чарах ночи накануне Дня святого Иоанна задолго до того, как ей разрешили праздновать вместе со взрослыми, еще когда няня Бруен, одев ее и сестер в самые нарядные платьица, отводила всех троих вниз и выстраивала в ряд, чтобы они поздоровались с гостями. Тогда, в самом начале вечеринки, разодетые взрослые ждали темноты и вели себя с чопорной благопристойностью, но позже, когда дети давно должны были спать, Элис, услышав, что дыхание няни стало глубоким и ровным, забиралась коленями на стул у окна детской и смотрела на фонарики, похожие на

поспевшие в ночи фрукты, на пылающий костер, который, казалось, плыл по серебристой от лунного света воде, на этот заколдованный мир, где люди и места выглядели почти такими, как она помнила, но все же другими.

А сегодня, подумала Элис, она будет среди них, ее ждет необыкновенная ночь. Элис улыбнулась, слегка вздрогнув от предвкушения. Посмотрела на часы, а затем достала из корзинки папку с бесценным содержимым и открыла. Внутри лежала одна из двух машинописных копий, тщательно отпечатанных на портативном «Ремингтоне», — результат годовой работы Элис. В заглавии она сделала опечатку, случайно нажав букву «а» вместо «о», но в остальном все было идеально. Вряд ли Бен обидится, он сам бы сказал, что важнее отослать безупречный экземпляр в издательство Виктора Голланца². Когда книга выйдет, у Бена будет собственное первое издание, Элис даже его подпишет, как раз под посвящением.

«Спи, моя лапочка». Элис шепотом прочитала название, чувствуя, как по спине побежали приятные мурашки. Она гордилась книгой, лучшей из всех своих работ на сегодняшний день, и надеялась, что ее опубликуют. Настоящий детектив, с убийством. Изучив предисловие к «Лучшим детективными историям», Элис взяла блокнот и составила список правил, с точки зрения мистера Рональда Нокса³. Она поняла, что ошибалась, пытаясь объединить два несовместимых жанра, избавилась от Лауры и начала с самого начала, придумав загородный дом, сыщика и целую компанию достойных подозреваемых. С детективной составляющей пришлось повозиться, нельзя было, чтобы читатели раньше времени догадались, кто убийца. Тогда-то Элис и решила, что ей нужен тестовый читатель, так сказать, Ватсон для ее Холмса. К счастью, таковой нашелся, а с ним кое-что еще.

Посвящается Б. М., партнеру по преступлениям и сообщнику во всем остальном.

Элис провела пальцем по посвящению. Как только роман выйдет из печати, о них с Беном узнают, ну и что с того? В глубине души Элис мечтала, чтобы это произошло. Несколько раз она едва не проговорила Деборе и даже Клемми, так ей хотелось произнести эти слова вслух. Еще она всячески избегала встреч с мамой, которая явно что-то подозревала. Наверное, будет правильно, думала Элис, если об их отношениях с Беном узнают, прочитав ее первую опубликованную книгу.

«Спи, моя лапочка» появилась на свет из разговоров с Беном, без него у Элис ничего не вышло бы. Запечатлев их совместные мысли на бумаге, она словно ухватила некую призрачную возможность и вдохнула в нее жизнь. Подарив экземпляр книги Бену, она сделает более реальным невысказанное обещание, которое их связывало. А к обещаниям в семье Эдевейн относились серьезно. Так наставляла мама, и, едва научившись говорить, они уже знали: никогда не обещавай того, что не сделаешь.

За кустами боярышника раздались голоса, и Элис инстинктивно прижала рукопись к груди. Настороженно прислушалась, затем торопливо подошла к живой изгороди и заглянула в просвет между листьями. На острове Бена уже нет, лодка стоит у мостков. Тут Элис увидела всех троих работников у оставшейся груды бревен. Бен пил из жестяной фляги, его кадык двигался с каждым глотком, на подбородке темнела щетина, завитки черных волос касались воротника. Рубашка Бена промокла от пота, и у Элис перехватило дыхание: она обожала его запах, такой земной и естественный.

Мистер Харрис поднял сумку с инструментами и дал последние указания, на что Бен кивнул и слегка улыбнулся. Элис тоже не сдержала улыбки, вглядываясь в ямочку на его левой щеке, сильные плечи,

обнаженное предплечье, которое блестело под жарким солнцем. Вдруг он выпрямился; похоже, его внимание привлек какой-то шум. Молодой человек перевел взгляд с мистера Харриса на что-то в глубине одичалого сада.

Элис разглядела среди зарослей эремуруса и вербены крошечную фигурку, которая, покачиваясь, храбро шагала к дому. Тео. При виде младшего брата Элис улыбнулась еще шире, но, когда заметила, что за братом маячит большая темная тень, ее улыбка померкла. Теперь понятно, почему Бен нахмурился. Элис тоже недолюбливала няню Бруен, причем сколько себя помнила. Хотя вряд ли можно питать теплые чувства к людям с деспотическими наклонностями. Никто так и не понял, почему уволили милую и красивую няню Розу. Она хорошо относилась к Тео, вернее, обожала его, и ее все любили. Даже папа был замечен за беседой с няней Розой в саду, пока Тео ковылял за утками, а уж папа разбирается в людях.

Зато маме словно шлея под хвост попала. Пару недель назад Элис видела, как она ругает няню Розу, вернее, они обе обменивались яростным шепотом у дверей детской. Спор, похоже, шел из-за Тео, но, к сожалению, Элис стояла слишком далеко. На следующий же день няня Роза исчезла, а вместо нее вытащили из нафталина няню Бруен. Вообще-то, Элис считала, что они навсегда распрощались со старой перечницей вместе с ее волосами на подбородке и бутылкой касторового масла. Более того, Элис даже слегка загордилась, подслушав бабулю Дешиль, которая утверждала, что именно она, Элис, довела старую няню своими выходками. Но теперь старуха вернулась и, похоже, стала намного противнее.

Элис все еще горевала из-за ухода няни Розы, когда поняла, что больше не одна за изгородью: сзади хрустнула веточка. Элис резко повернулась.

— Мистер Ллевелин! — воскликнула она при виде

сгорбленной фигуры с мольбертом под мышкой и большим этюдником, неловко прижатым к другому боку.
— Вы меня напугали!

— Прости, детка. Наверное, я недооценил собственную незаметность. Мне бы хотелось с тобой поговорить.

— Прямо сейчас?

Элис любила старика, однако едва сдержала досаду. Он явно не понимает, что прошли те дни, когда Элис сидела рядом и смотрела, как он рисует, или каталась с ним на лодке, или рассказывала ему свои детские секреты, пока они вместе охотились на фей. Конечно, в свое время мистер Ллевелин занимал важное место в ее жизни, бесценный друг, пока Элис была маленькой, и наставник, когда она начала свои литературные опыты. Много раз Элис подбегала к нему, чтобы вручить ребяческие рассказы, нацарапанные в пылу вдохновения, и он изо всех сил старался дать им объективную оценку. Но сейчас, когда ей уже шестнадцать, у нее совсем другие интересы, и она не намерена ими делиться.

— Видите ли, я занята.

Мистер Ллевелин бросил взгляд на дырку в изгороди, и щеки Элис зарделись горячим румянцем.

— Я смотрю на приготовления к празднику, — торопливо пояснила девушка, а когда мистер Ллевелин улыбнулся, давая понять, что прекрасно знает, за кем она наблюдает и почему, добавила: — Мама попросила нарвать цветов.

Он взглянул на небрежно брошенную корзинку с поникшими от полуденного зноя цветами.

— Я должна выполнить ее просьбу.

— Конечно. При обычных обстоятельствах мне бы и в голову не пришло тебе мешать. Но у меня очень важный разговор.

— Боюсь, сейчас мне некогда.

Мистер Ллевелин выглядел крайне разочарованным, и

Элис вдруг подумала, что он хандрит уже довольно давно. Вернее, не то чтобы хандрит, просто все время какой-то печальный и рассеянный. Вот и пуговицы на атласном жилете застегнуты неправильно, и шарф на шее потрепанный... Ее захлестнула волна сочувствия к старику.

— Хорошо у вас получилось, — примирительно сказала Элис, кивнув на этюдник.

Действительно, рисунок удался. Раньше мистер Ллевелин не изображал Тео, но сходство было потрясающим: еще младенчески округлые щечки, пухлые губы, большие доверчивые глаза. Добрая душа, мистер Ллевелин, всегда видит в людях только хорошее.

— Может, поговорим после чая? — предложила Элис и ободряюще улыбнулась. — Перед вечеринкой?

Мистер Ллевелин крепче прижал к себе этюдник и, поразмышляв над предложением Элис, нахмурился:

— Как насчет того, чтобы встретиться у костра?

— Так вы тоже там будете?

Странно. Мистера Ллевелина нельзя было назвать светским львом, и обычно он всячески избегал больших компаний людей, включая и те, что собирались, чтобы встретиться с ним лично. Хотя он обожал мать Элис, даже ей не удавалось заманить его на вечеринку накануне Дня святого Иоанна. Элис подумала, что мама опять выставит напоказ первое издание «Волшебной двери Элеонор», и гости будут наперебой искать знакомства с автором книги. Им никогда не надоедало ползать на коленках вдоль живой изгороди и искать каменный столб, зарытый по самую верхушку в землю. «Смотри, Симеон, вот оно, то самое медное кольцо, что было на карте! Совсем как в книге!» Они и не знали, что много лет назад хозяева, опасаясь любопытства таких вот настырных посетителей, наглухо закрыли туннель.

При других обстоятельствах Элис, наверное, попыталась бы расспросить мистера Ллевелина, но за

изгородью слышался смех, потом дружеский возглас: «Да ладно тебе, Адам, иди с отцом и поешь, бревна никуда не денутся». Элис сразу же вспомнила, зачем она здесь.

— Ну хорошо, сегодня вечером, — сказала она. — На празднике.

— Скажем, в половине двенадцатого, в беседке?

— Да-да.

— Это очень важно, Элис.

— В половине двенадцатого, — нетерпеливо повторила она. — Я обязательно приду.

Старик все не уходил, стоял с серьезным и грустным видом как приклеенный и пристально смотрел на Элис, словно пытался запомнить.

— Мистер Ллевелин?

— Помнишь, как мы катались на лодке в день рождения Клемми?

— Да, — кивнула она. — Чудесный был день. На редкость приятный.

Девушка демонстративно потянулась за корзинкой, и мистер Ллевелин, должно быть, понял намек: когда Элис выпрямилась, он уже ушел.

Ощувив укол смутной жалости, Элис глубоко вздохнула. Наверное, это потому, что она влюблена, вот и жалеет всех остальных. Бедный, старый мистер Ллевелин. Когда-то она считала его волшебником, а теперь видит сгорбленного, грустного человечка, постаревшего раньше времени, стесненного викторианской одеждой и предрассудками, с которыми не желает расстаться. В юности у него случился нервный срыв (предполагалось, что это секрет, но Элис знала много такого, чего ей знать не следовало). Все произошло, когда мама Элис была совсем ребенком, а мистер Ллевелин — близким другом Генри Дешиля. Мистер Ллевелин оставил карьеру в Лондоне и тогда же написал «Волшебную дверь Элеонор».

Элис не знала, что именно вызвало срыв. У нее мелькнула неясная мысль, что хорошо бы узнать. Только не сегодня, подумала она, как-нибудь в другой раз. Сейчас просто нет времени на прошлое, когда будущее рядом, ждет за изгородью. Взглянув еще раз сквозь дыру в изгороди, Элис убедилась, что Бен остался один и вот-вот тоже уйдет на обед. Она тотчас забыла про мистера Ллевелина и подставила лицо солнцу, наслаждаясь ласковыми лучами. Неужели на свете есть кто-то более довольный жизнью, чем она? С машинописной копией своей книги в руках Элис зашагала к мосткам — красивая девушка на пороге блестящего будущего.

¹ *Битва при Пашендале* — одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между союзными и германскими войсками. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Виктор Голланц* (1893–1967) — британский общественный деятель, книгоиздатель, публицист-социалист и правозащитник.

³ *Рональд Нокс* (1888–1957) — английский религиозный деятель, писатель, автор детективов.